

А.И. Колмовский

Биография М. И. Глинки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Колмовский**
Биография М. И. Глинки / А.И. Колмовский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 50 с.

ISBN 978-5-458-13911-3

Ранним утром 20 мая 1804 года в с. Новоспасском Ельнинского уезда Смоленской губернии, у капитана в отставке Ивана Николаевича Глинки родился сын Михаил. Новорожденный был впоследствии наш гениальный композитор Михаил Иванович Глинка. Село Новоспасское расположено в верховьях р. Десны.

ISBN 978-5-458-13911-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. *Дѣтство. Домашнее воспитаніе.*

Раннимъ утромъ 20 мая 1804 года, въ с. Новоспасскомъ ельнинскаго уѣзда смоленской губерніи, у капитана въ отставкѣ, Ивана Николаевича Глинки, родился сынъ, Михаилъ. Новорожденный былъ въ послѣдствіи нашъ гениальный композиторъ Михаилъ Ивановичъ Глинка. — Село Новоспасское расположено въ верховьяхъ р. Десны; при жизни Михаила Ивановича оно было окружено непроходимымъ лѣсомъ, составлявшимъ продолженіе знаменитыхъ брянскихъ лѣсовъ.

Первоначальное воспитаніе ребенка, вскорѣ по рожденіи, предоставлено было его бабкѣ. Бабушка перенесла внука въ свою комнату и безраздѣльно завладѣла имъ. Въ этой комнатѣ Михаилъ Ивановичъ провелъ около четырехъ лѣтъ своего дѣтства; сюда допускались только кормилица, няня и ближайшіе знакомые бабушки; даже съ родителями мальчикъ видѣлся очень рѣдко. Бабушка слишкомъ любила тепло, притомъ она была преклонныхъ лѣтъ и почти всегда хворала; температура въ ея комнатѣ постоянно поддерживалась не менее 20° тепла по Реомюру. Не смотря на такой полутропическій жаръ, малютка не выходилъ изъ шубки; ночью, часто и днемъ, его поили чаемъ со сливками, снабжали множествомъ сахару, крендельковъ, бубликовъ; на свѣжій воздухъ выпускали изрѣдка даже въ теплую погоду. Баловство бабушки доходило до невѣроятной степени; внуку ни въ чемъ не было отказа. Это въ высшей степени искусственное воспитаніе почти не повліяло на нравъ ребенка; онъ не отличался тѣми нравственными качествами, какъ — большинство балованныхъ дѣтей, но вредъ для здоровья отъ воспитанія бабушки былъ громаденъ. Ребенокъ былъ тихъ, кротокъ и становился недотрогой, — только когда былъ чѣмъ нибудь занятъ, отсутствіе свободныхъ движеній на вольномъ воздухѣ, изобиліе сахару и крендельковъ уже въ раннемъ дѣтствѣ вызвали у Михаила Ивановича предрасположеніе къ болѣзнямъ, отъ которыхъ онъ страдалъ почти всю свою жизнь; золотушный, крайне слабого сложенія организмъ его требовалъ много физическаго воспитанія. Разслабленные еще въ дѣтствѣ, нервы особенно безпокоили Глинку и доставили ему невыносимыя страданія.

Глинка чрезвычайно рано выучился читать. Еще въ теплицѣ бабушки, когда ему было всего около четырехъ лѣтъ, онъ читалъ бабушкѣ и ея знакомымъ священныя книги; слушательницы приходили въ восторгъ отъ этого чтенія. Любимое занятіе у Глинки было ползать по полу и рисовать мѣломъ деревья, церкви. Въ немъ рано проснулось религіозное чувство. Обряды богослуженія приводили юную душу въ живой поэтической восторгъ; звонъ церковныхъ колоколовъ заставлялъ жадно вслушиваться въ эти рѣзкіе звуки; отъ нихъ оставалось такое сильное впечатлѣніе, что нашъ будущій композиторъ началъ свои музыкальныя упражненія, ловко подражая звонарямъ на двухъ мѣдныхъ тазяхъ, не покидалъ этой забавы даже, когда былъ боленъ, только тазы замѣнялись колокольчиками. По восьмому году, когда семья спасалась въ Орель отъ нашествія французовъ, Михаила Ивановича сильно еще занималъ колокольный трезвонъ, и онъ усердно воспроизводилъ эти звуки на своихъ мѣдныхъ тазяхъ.

Слабонервностью Глинка отличался съ малолѣтства. За нѣсколько дней до кончины бабушки, ей приложили пластырь съ отвратительнымъ запахомъ; когда старушка скончалась, малолѣтняго Глинку даже силой не могли заставить войти къ ней; такъ онъ и не присутствовалъ при кончинѣ своей бабушки, хотя очень любилъ ее.

Послѣ смерти бабки, Глинка окруженъ былъ только женщинами. Мать меньше баловала сына, даже дѣлала попытки приучить его къ свѣжему воздуху, но попытки большей частью оставались безъ успѣха. Къ прежней нянѣ взяли другую, Ирину Мѣшкову; у этой няни была дочь, немного старше Глинки; его компаньономъ по дѣтскимъ играмъ была еще родная сестра годомъ моложе. Находясь въ такомъ обществѣ, мальчикъ вовсе не походилъ на дѣтей своего возраста: нравъ тихій и кроткій окрѣпъ, а къ буйнымъ выходкамъ не было повода. Штатъ нянь увеличенъ былъ потомъ французенкой, Розой Ивановой.

Первымъ учителемъ отецъ нанялъ архитектора. вмѣсто мѣла, учитель далъ своему ученику карандашъ, началъ уроки рисованія съ глазъ, носовъ, ушей. Система ученія заключалась въ безотчетномъ, механическомъ подражаніи. — На пылкое воображеніе юнаго Глинки особенно повліялъ одинъ дальній родственникъ; это былъ любознательный, добрый старичекъ, часто посѣщавшій семью Глинокъ. Михаилъ Ивановичъ жадно слушалъ его рассказы о далекихъ краяхъ, о дикихъ людяхъ, произведеніяхъ тропическихъ странъ. Старецъ привезъ однажды сборникъ путешествій, изданный еще при Екатеринѣ II — «О странствіяхъ вообще». Описанія Цейлона, Суматры, Явы, вообще, тропическаго міра Азии, такъ заинтересовали молодого читателя, что онъ принялся за изученіе этого міра, началъ дѣлать извлеченія изъ описаній, отдался со страстью чтенію путешествій, чертилъ географическія карты и въ то же время дѣлалъ быстрые успѣхи въ рисованіи. Этой страсти онъ жертвовалъ своими дѣтскими играми.

Въ дѣтской жизни Глинки былъ одинъ моментъ, всецѣло охватившій его чуткій впечатлительный организмъ и безповоротно повлѣявшій на его дальнѣйшее развитіе. Иванъ Николаевичъ былъ большой хлѣбосоль; по временамъ, домъ его переполнялся родственниками и гостями; это случалось особенно въ день его ангела. Угощеніе шло на славу. Въ 8 верстахъ отъ Новоспасскаго жилъ родственникъ, у котораго былъ свой оркестръ. Къ этому-то родственнику посылали въ торжественныхъ случаяхъ за музыкантами. Оркестръ оставался по нѣскольку дней. Играли разныя пьесы. Разъ, когда Михаилу Ивановичу было всего 10 — 11 лѣтъ, съиграли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ. «Эта музыка, говоритъ Глинка въ своихъ запискахъ, произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день, потомъ, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое томительно сладкое состояніе».

Уроки рисованія пошли плохо; ученикъ съ каждымъ днемъ становился разсѣяннѣе. Учитель наконецъ не выдержалъ и замѣтилъ своему питомцу, что онъ только и думаетъ объ одной музыкѣ.

«Что-жъ дѣлать, былъ отвѣтъ Глинки, музыка — душа моя».

Деревенскій оркестръ для Глинки сталъ источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Онъ, во время игры для танцевъ, самъ бралъ скрипку или маленькую флейту и поддѣлывался подъ оркестръ. Отецъ на маленькаго музыканта часто гнѣвался, журилъ, — зачѣмъ онъ не танцуетъ, оставляетъ гостей, а сынъ, при первой возможности, былъ уже около оркестра.

За ужиномъ играли русскія пѣсни. Грустно-нѣжные тоны глубоко западали въ дѣтскую душу, родные звуки чрезвычайно нравились. Можетъ быть, эти пѣсни, производившія такое сильное впечатлѣніе въ дни первой молодости, потомъ привлекли Михаила Ивановича къ разработкѣ преимущественно народной русской музыки и дать въ этомъ направленіи гениальныя образцы, которые побудили весь образованный мѣръ прислушаться къ русскимъ мотивамъ и звукамъ.

Домашній педагогическій персоналъ увеличился, наконецъ, съ прибытіемъ въ Новоспасское гувернантки Климмеръ. Ее выписали изъ Петербурга. Это была высокая, двадцатилѣтняя дѣвица, строгая и взыскательная. Дѣтей она взялась обучать языкамъ: русскому, французскому и нѣмецкому, географіи и музыкѣ. Пошли въ ходъ грамматики, діалогіи, описанія городовъ и земель. Все это заучивалось въ долбяжку. Отвѣчать надо было безъ запинки, не измѣнивъ и не пропустивъ ни одного слова. Обученіе игрѣ на фортепiano и чтеніе нотъ шло также механически. Какъ только братъ и сестра кой-какъ стали разбирать ноты и попадать на клавиши, къ фортепiano приложена была доска, такъ что играть было можно, но не видно было ни рукъ, ни клавишей. Этотъ пріемъ скоро пріучилъ дѣтей играть, не смотря на пальцы. — Первый скрипачъ изъ оркестра дяди началъ учить Глинку играть на скрипкѣ. Къ сожалѣнію, самъ учитель игралъ не совсѣмъ вѣрно и дѣйствоваль смычкомъ не развязно, что сообщилъ и своему ученику.

Не смотря на безознательную, но неотразимую любовь къ музыкѣ, Михаилъ Ивановичъ, съ перваго знакомства съ ней, дѣлалъ выборъ между пьесами, однѣ изъ нихъ предпочиталъ другимъ и любилъ болѣе тѣ, которыя были доступнѣй его слабымъ музыкальнымъ понятіямъ. Вообще, оркестръ заслужилъ его наибольшую любовь, и, послѣ русскихъ пѣсень, изъ оркестровыхъ пьесъ онъ предпочиталъ увертюры: «Matante Auorge» Буальдїе, «Lodoiska» Крейцера, «Les deux aveugles» Мегюля. Двѣ послѣднія пьесы онъ охотно игралъ на фортепiano, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сонатами Штейбеля, особенно рондо: «L'orage.» Онъ не любилъ слишкомъ длинныхъ и запутанныхъ сонатъ Гировеца.

Первые годы своей жизни Глинка провелъ въ деревнѣ. Тамъ онъ получилъ и первое образованіе. Несомнѣнно, — деревня имѣла на него благотворное вліяніе. Въ ней Михаилъ Ивановичъ воспринялъ въ себя всѣ тѣ элементы музыкальной народности, которые потомъ образовали главныя черты характера его, какъ артиста; этотъ характеръ выигралъ много въ сосредоточенности, силѣ. Первоначальнымъ воспитаніемъ Глинки въ деревнѣ положено было основаніе къ созиданію народной музыки, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Кто знаетъ — быть можетъ, у насъ не было-бы такого грандіознаго творенія, какъ «Русланъ и Людмила», если-бъ дѣтство Глинки протекло въ городѣ, — въ столицѣ. Здѣсь до его впечатлительнаго слуха не коснулись-бы ни народныя пѣсни, ни народная плясовая музыка, не видѣлъ-бы онъ хороводовъ, пляски народной, народныхъ праздниковъ и разгула; только въ деревнѣ, — такой глуши, какъ Новоспасское, картины родной природы и жизни народа навсегда могли овладѣть его пылкимъ воображеніемъ и сообщить ему свой особенный складъ и образъ.



II. Въ Пансіонъ.

Зимой 1817 года семья Глинокъ отправилась въ Петербургъ. Цѣль поѣздки была опредѣлить 13-лѣтняго Глинку въ благородный пансіонъ. Этотъ пансіонъ только что былъ открытъ при главномъ педагогическомъ институтѣ. — Видъ огромныхъ стройныхъ домовъ и улицъ произвелъ на Михаила Ивановича волшебное дѣйствіе; въ немъ надолго сохранилось это первое впечатлѣніе восторга и удивленія отъ огромнаго, шумнаго города. Пятиглавые соборы въ русскомъ родѣ казались ему торжествомъ искусства, а Казанскій соборъ вовсе не понравился.

Вскорѣ по прїѣздѣ приступили къ дѣлу. Отецъ не щадилъ издержекъ. Пансіонъ помѣщался у Калинкина моста, въ домѣ Отто. При домѣ находился мезонинъ. Здѣсь-то Глинка, уже пансіонеръ, помѣщенъ былъ вмѣстѣ съ тремя воспитанниками, одинаковаго съ нимъ возраста. Всѣ четверо поручены были особому гувернеру. Въ квартирѣ нашлось мѣсто и для фортепіано; его скоро замѣнили роялемъ лучшаго тогдашняго мастера Тишнера; на этомъ инструментѣ можно было играть чрезвычайно отчетливо.

Преподаватели старинныхъ классовъ благороднаго пансіона большею частію получили воспитаніе въ германскихъ университетахъ и по тому времени были люди съ познаніями, — образованные. Это были профессора Педагогическаго института. Среди преподавателей низшихъ классовъ встрѣчались оригиналы и забавные типы. Англичанинъ Биттонъ отличался грубостью. Любимымъ блюдомъ его была молочная рисовая каша. Въ день, когда подавали эту кашу, Биттонъ намѣчалъ между младшими воспитанниками нѣсколько жертвъ. Эти воспитанники должны были непременно провиниться въ чемъ либо: или они не знали англійскихъ словъ, или не такъ произносили. Биттонъ кричалъ: «посиди на ваши колѣни» и задавалъ питомцу такую сильную подножку, что подъ нимъ невольно сгибались колѣни. За ужиномъ наказанныхъ лишали каши; всѣ ихъ порціи относились въ дортуаръ Биттона, который ночью алчно пожиралъ свою добычу. Бойкій французъ Трипе мастеръ былъ играть въ лапту, обращался съ учениками тоже грубо, и не удивительно, такъ какъ настоящая его профессія была мелочная торговля. Пьемонтецъ Елленъ мучилъ пансіонеровъ маршировкой, о которой и самъ не имѣлъ понятія.

Особенно сильное впечатлѣніе оставилъ въ пансіонерахъ подъянспекторъ Иванъ Екимовичъ Колмаковъ. Науки были для него истиннымъ наслажденіемъ, страстью; онъ все зналъ, все помнилъ, все объяснялъ любому воспитаннику. Въ классахъ подсказывалъ ученикамъ, когда они путались въ отвѣтахъ, за эту недозволенную помощь онъ получалъ выговоры отъ инспектора; даже иной разъ инспекторъ называлъ его дуракомъ, — фактъ, достаточно характеризующій нравы тогдашнихъ педагоговъ. Иванъ Екимовичъ былъ необыкновенно добръ; по добротѣ своей онъ не наказывалъ, а только гнѣвался даже тогда, когда за обѣдомъ въ разныхъ углахъ столовой залы раздавалось гнѣніе обѣдавшихъ шалуновъ:

Подъянспекторъ Колмаковъ
Умножаетъ дураковъ
Онъ глазами все моргаетъ
И жилетъ свой поправляетъ и пр.

Напѣвъ на стихи подобранъ былъ Глинкой. Рябоватое лицо подъянспектора краснѣло, забавныя выходки, сопровождавшіяся морганьемъ, поправляньемъ жилета, усиливались. Иванъ Екимовичъ бѣжитъ въ одинъ уголь, гдѣ раздавались звуки, а тамъ уже тихо; гнѣніе слышалось съ другой стороны залы. Подъянспекторъ наконецъ визгливо выкрикиваетъ: «мальчишки, невежи!» Тѣмъ дѣло и кончается. Безпредѣльная доброта наставника мѣшала преслѣдовать шалуновъ. Самъ онъ говорилъ порою подъ веселый часъ: «Ванька Колмаковъ добрый мужикъ и честный христіанинъ». Глинка полюбилъ этого наставника. Дружба съ Иваномъ Екимовичемъ отчасти напоминала кроткому и тихому пансіонеру жизнь, къ которой онъ привыкъ въ деревнѣ; переходъ отъ этой безмятежной жизни былъ слишкомъ рѣзокъ: шумная, безпокойная столица, рѣзвая, шаловливая толпа товарищей съ одной стороны, — правильные однообразные порядки въ пансіонѣ съ другой. Колмакову Глинка обязанъ былъ первымъ знакомствомъ съ латинской литературой, читалъ съ его помощью отрывки изъ превращеній Овидія.

Въ благородномъ пансіонѣ Михаилъ Ивановичъ учился пять лѣтъ, при большихъ способностяхъ успѣхи обнаруживалъ отличные; вель себя хорошо; товарищи его любили; профессора отличали наградами и похвальными листами. Не давалось только рисованье да и то потому, что академики Безсоновъ и Сухановъ замучили его огромными головами, требовали рабскаго подражанія, штрихъ въ штрихъ, и довели до того, что ученикъ наконецъ отказался отъ ихъ уроковъ. Не въ натурѣ Глинки было подчиняться принужденію, еще съ

раннихъ лѣтъ онъ питаль отвращеніе ко всему тому, что носило на себѣ печать рабскаго подражанія.

Изученіе начальной математики шло такъ успѣшно, что по алгебрѣ Глинка былъ репетиторомъ. «Математику я разлюбилъ, говоритъ Глинка, когда дошелъ до аналитики; уголовное и римское право мнѣ вовсе не нравилось. Въ танцахъ я былъ плохъ, равно какъ и въ фехтованіи.» Одинъ изъ учителей фехтованія «часто говариваль: ей, Глинка, заколю! и дѣйствительно кололъ меня».

Особенные успѣхи обнаружилъ Михаилъ Ивановичъ въ языкознаніи. Онъ училъ языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому, англійскому и даже персидскому. Изученіе языковъ давалось ему необыкновенно легко; такъ, нѣмецкій былъ выученъ въ полгода, самъ профессоръ приходилъ отъ такихъ успѣховъ въ изумленіе. Англійскій и персидскій потомъ были забыты за недостаткомъ практики; къ остальнымъ безъ особаго труда впослѣдствіи прибавилось знаніе испанскаго и итальянскаго, которыми Глинка владѣлъ также мастерски, какъ нѣмецкимъ и французскимъ. Любилъ еще заниматься географіей и зоологіей; любовь къ природѣ вызывала въ немъ поэтическое, художественное чувство, которое всегда поддерживаетъ одушевленная природа въ ея великихъ и мелкихъ проявленіяхъ. Страсть къ предметамъ природы высказалась у Глинки въ жадномъ чтеніи путешествій въ раннемъ дѣтствѣ, когда онъ былъ еще въ деревнѣ. Эта страсть не покидала его всю жизнь. Описывая свои путешествія по Россіи и разнымъ странамъ, онъ прежде всего рассказываетъ о природѣ, какая окружала его и поражала его воображеніе. У дяди его, Аѳонасія Андреевича, была масса птицъ въ клѣткахъ, кромѣ того въ гостинной имъ отдѣлена была сѣткой часть, гдѣ онъ свободно летали. Глинка въ дѣтствѣ не рѣдко любовался пернатыми пѣвцами дяди и слушалъ ихъ трели. Надъ мезониномъ вблизи пансіона былъ большой чердакъ; тамъ разведены были разныя породы голубей и кролики. Болѣе всего способствовало развитію страсти въ Глинкѣ къ предметамъ природы посѣщеніе кунсткамеры. Эти посѣщенія воспитанниковъ сопровождались объясненіями профессора Зембницкаго. Въ теченіе своей жизни, былъ-ли Глинка въ Смоленскѣ, Петербургѣ, Парижѣ, Севильѣ — вездѣ для своихъ любимицъ — птичекъ онъ отводилъ особое помѣщеніе, въ которомъ 10 — 16 разныхъ варакушекъ, ольшанокъ, черноголовокъ и другихъ птичекъ летали и пѣли. Случалось, что каждая знала свою клѣтку. Иной разъ отъ скуки Глинка игралъ своимъ плѣнницамъ на скрипкѣ, чтобы раззадорить ихъ въ пѣніи. Въ сообществѣ съ птицами онъ держалъ также зайчиковъ; во время путешествія на Кавказъ приручалъ дикихъ козочекъ.

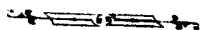
Родители Глинки, опредѣливъ своего сына въ пансіонъ, имѣли въ виду одну цѣль, чтобы обученіе поставило его въ одинъ уровень съ образованными людьми того времени. Они, конечно, не подозрѣвали, что изъ прилежнаго, скромнаго мальчика выйдетъ потомъ великій художникъ-композиторъ. Ему дали фортепіано, нанимали учителей музыки въ силу простаго соображенія, что сынъ ихъ училъ игрѣ на этомъ инструментѣ уже дома и что обученіе музыкѣ входило въ программу воспитанія всякаго русскаго дворянина. Петербургскіе учителя по опытности и знанію стояли далеко выше деревенскихъ гувернеровъ. Подъ ихъ руководствомъ Глинка скоро обнаружилъ необыкновенные успѣхи въ музыкѣ. Сначала онъ взялъ три урока на фортепіано у Фильда и въ эти три урока выучилъ второй его дивертиссементъ (E'-dur), заслуживъ лестное одобреніе отъ этой знаменитости тогдашняго времени. Фильдъ, къ сожалѣнію, уѣхалъ въ Москву. Хотя Глинка слышалъ его не много разъ, но всю жизнь хорошо помнилъ его сильную, мягкую и отчетливую игру. Послѣ Фильда учителемъ взять былъ Оманъ, онъ началъ съ Глинкой 1-й концертъ Фильда (Es dur), Потомъ Цейнеръ усовершенствовалъ механизмъ игры своего ученика и даже стиль, но надобѣлу ему долбяжкой, которой требовалъ при изученіи теоріи (интерваловъ съ ихъ обращеніями). Цейнера смѣнилъ Карлъ Мейеръ, который настолько содѣйствовалъ развитію музыкальнаго таланта Глинки, что въ день выпуска (1822 г.) ученикъ публично, подъ акомпаниментъ своего учителя, сыгралъ амольный концертъ Гуммеля. Вообще успѣхи на фортепіано были такъ значительны, что въ пансіонѣ Глинка съ честію игралъ передъ тогдашними свѣтилами фортепіаннаго искусства. Думали что изъ него выйдетъ знаменитый фортепіанный виртуозъ, а потому и развивали юный талантъ исполненіемъ виртуозныхъ пьесъ. Это первое впечатлѣніе молодости до такой степени укрѣпилось въ Глинкѣ, что до позднихъ дней своей жизни онъ любилъ виртуозныя произведенія Гуммеля, не находилъ ихъ холодными, дѣланными, лишенными живой фантазіи, не чувствовалъ особенной симпатіи къ фортепіаннымъ сочиненіямъ Бетховена. Изъ даровитаго юноши не вышло однако ни піаниста, ни фортепіаннаго сочинителя. Самобытный талантъ увлекъ его въ другую сторону, къ разработкѣ иныхъ элементовъ. Въ организмѣ Глинки эти элементы уже жили, но развитіе ихъ шло медленно, постепенно; началось оно съ игры на скрипкѣ. Первые опыты были не особенно удачны. Учитель на этомъ инструментѣ, первый концертистъ, Бѣмъ игралъ вѣрно и отчетливо, но не обладалъ педагогическимъ даромъ передавать другимъ своихъ познаній. Игра на скрипкѣ имѣла важное вліяніе на музыкальное развитіе Михаила Ивановича тѣмъ, что сблизила его съ оркестромъ; время вакацій (1819 — 1821 гг.) онъ проводилъ у родителей въ Новоспасскомъ; тамъ онъ могъ уже играть въ оркестрѣ дяди. Оркестръ этотъ усовершенствовался и увеличился нѣсколькими мальчиками, которыхъ Глинка-отецъ отдалъ учиться,

чтобы имѣть собственную бальную музыку. Съ мужемъ гувернантки младшихъ сестеръ Гемпелемъ, хорошимъ музыкантомъ, Михаилъ Ивановичъ восхищался музыкой оркестра, но самъ признается въ своемъ тогдашнемъ невѣжествѣ: «будучи уже нѣсколько знакомъ, говоритъ онъ въ запискахъ, съ увертюрами Керубини и Мегюля, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ я увертюры Россини. Изъ нихъ *Cenerentola* такъ даже мнѣ понравилось, что мы съ Гемпелемъ переложили ее для фортепьяно въ 4 руки и нерѣдко потѣшались, играя ее».

Въ Петербургѣ Глинка также могъ изучать оркестръ. Родители, родственники и ихъ знакомые возили его въ театръ Оперы и балеты приводили его въ неописанный восторгъ. Репертуаръ былъ разнообразный. Глинка видѣлъ оперы: «Водовозы» — Керубини, «Тосифъ» — Мегюля. «Жокондъ» — Николо Изуаръ, «Красная шапочка» — Буальдье; болѣе всего ему нравились солисты на инструментахъ и оркестръ.

Въ послѣдній годъ курса, въ Петербургъ приехалъ дядя Глинки Афанасій Андреевичъ; къ нему на время переѣхалъ Глинка. Въ семействѣ В. В. Энгельгардта, гдѣ поселились дядя и племянникъ, были знатоки и любители музыки; здѣсь нашелся большой запасъ разныхъ пьесъ, преимущественно увертюръ въ 4 руки для фортепьяно: Керубини, Мегюля, Моцарта, Ричини, Спонтини, Пера и Россини. «Все это мы, говоритъ Глинка, довольно опрятно играли и потѣшали нашихъ знакомыхъ». Онъ не пропускалъ также ни одного случая быть гдѣ-либо на концертѣ. Не задолго до выпуска Глинку ввели въ одно семейство, гдѣ онъ познакомился съ молодой барыней красивой наружности. Она хорошо играла на арфѣ и владѣла звонкимъ, серебристымъ сопрано, пѣла естественно и чрезвычайно мило. До этого знакомства Глинка слишкомъ мало обращалъ вниманія на голосъ и пѣніе; серьезное пѣніе понималъ худо. Нравившаяся женщина навѣяла поэтическое чувство. Ея прекрасныя качества воодушевили воображеніе Глинки. Подъ вліяніемъ этого-то настроенія онъ принялся за сочиненіе и весь отдался упоительному чувству творчества, сочинилъ варіаціи на тему (*C-Dur*) изъ оперы Вейгля «Швейцарское семейство», написалъ варіаціи для арфы и фортепьяно на тему Моцарта *Es-dur* и самъ изобрѣлъ вальсъ для фортепьяно *F-dur*. Это были первые попытки въ сочиненіи. Музыкальный міръ и первые опыты сочиненія до такой степени овладѣли умственной дѣятельностью Глинки, что онъ почти прекратилъ обязательныя занятія науками, а вблизи предстоялъ выпускной экзаменъ. Прежнее прилежаніе, ревность къ наукамъ сильно пострадали. Надо было употребить чрезвычайныя усилія, чтобы догнать товарищей. Въ такомъ положеніи помогли отличныя способности и огромная память, какую обладалъ Глинка. На экзаменѣ пригодились и прежнія заслуги, однако дѣло не обошлось безъ ловкихъ увертокъ. Изъ уголовного права Глинка выучилъ одну только статью; на экзаменѣ на вопросъ профессора отвѣчалъ совсѣмъ невпопадъ, но такъ ловко, что экзаменаторъ остался доволенъ, а профессору правъ оставалось только плохо скрывать свой гнѣвъ. Будущій гениальный композиторъ не рассчитывалъ воспользоваться знаніями уголовного права. Даже товарищи замѣтили въ немъ призваніе къ художественной дѣятельности. Одинъ изъ нихъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «послѣ сухихъ репетицій, Глинка предавался полету свободной импровизаціи, отдыхая за нею отъ головолomныхъ занятій, отъ заботъ ученическихъ. Въ этихъ звукахъ, дрожащихъ восторгомъ, высказывалъ онъ и свои дѣтскія мечты, и свою темную грусть, и свои живыя радости. — Лучшія награды за прилежаніе были для него не въ похвалѣ учителей, а въ свободной отъ ученія минутѣ, когда-бы онъ могъ предаться вполнѣ ненасытнымъ порывамъ своей фантазіи».

Изъ благороднаго пансіона Глинка былъ выпущенъ первымъ съ правомъ на чинъ 10 класса.



III.

Позѣдка на Кавказъ. Занятія съ оркестромъ дяди.

По выходѣ изъ пансіона (въ началѣ лѣта 1822 г.), Глинка не сразу поступилъ на службу. Отецъ желалъ, чтобы онъ опредѣлился въ иностранную коллегію. Служба эта въ то время считалась почетнѣйшею. Начались было занятія дипломатическимъ французскимъ языкомъ, но безуспѣшно; языкъ этотъ далеко не поэтической казался Глинкѣ чѣмъ-то дикимъ и никакъ не входилъ въ голову. Отецъ особенно настаивалъ, чтобъ служба немедленно была начата; онъ очень любилъ сына, обращался съ нимъ какъ съ товарищемъ, повѣрялъ ему свои предположенія и тайны, не скрывалъ ни радостей, ни огорченій.

Ревностно продолжалъ Михаилъ Ивановичъ одно только музыкальное образованіе. Возвратившись въ Петербургъ отъ родителей, онъ возобновилъ занятія съ Мейеромъ и Бемомъ. Мейеръ значительно развилъ музыкальный вкусъ ученика, обнаруживавшаго быстрые успѣхи, требовалъ отчетливаго и не принужденнаго исполненія, возставалъ противъ изысканнаго, утонченнаго выраженія въ игрѣ, объяснялъ достоинства пьесъ

естественно, безъ педантства. Въ этотъ годъ Глинка писалъ сперва Септетъ, потомъ Adagio и Rondo для оркестра, но про свое умѣнье писать пьесы, по выходѣ изъ пансіона, онъ говоритъ: «о сочиненіи вообще, генераль-басъ, контра-пунктъ и другихъ условіяхъ хорошаго способа писать, мои понятія были столь неопредѣленны, что я принимался за перо, не зная ни съ чего начать, ни какъ и куда идти».

Занятія музыкою были прерваны путешествіемъ на кавказскія минеральныя воды. Разъ одна родственница, лѣчившаяся магнетизмомъ, въ состояніи ясновидѣнія высказала, что Глинкѣ при золотушномъ его расположеніи будутъ полезны воды Кавказа. Этому повѣрили. Весной 1823 г. отецъ писалъ Глинкѣ, что представляется удобный случай ѣхать на Кавказъ. Туда ѣхалъ одинъ хорошій знакомый, образованный и солидный человекъ Петровскій-Муравскій и еще — одинъ изъ смоленскихъ врачей Быковскій съ семействомъ. Глинка немедленно собрался въ путь и пробылъ въ Новоспасскомъ до послѣднихъ чиселъ апрѣля. Отецъ снабдилъ его коляской, даль одного человекъ и повара Аѳонасія.

Когда молодой путешественникъ выѣхалъ изъ дому, была сырая, свѣжая погода; около Орла повѣяло теплымъ дыханіемъ вѣсны; за Окой открылся другой болѣе южный міръ: смоленскія березовыя рощи смѣнились дубовыми, по оврагамъ вмѣсто лозы стали появляться груши, яблони и вишни въ цвѣту; днемъ тѣшили взоръ видъ полей и деревень съ живописно разбросанными, бѣлыми мазанками, вмѣсто черныхъ бревенчатыхъ избъ, — ночью Михаилъ Ивановичъ восхищался яснымъ небомъ съ мириадами ярко блестящихъ звѣздъ. Въ Харьковѣ онъ долженъ былъ остановиться, чтобы подождать товарищей по путешествію, и по совѣту одного петербургскаго знакомаго отрекомендовался г. Витковскому, владѣльцу весьма хорошаго музыкальнаго магазина въ Харьковѣ. Когда онъ сыгралъ первое соло концерта A-moll Гуммеля, — произвелъ такое пріятное впечатлѣніе, что хозяинъ тотчасъ-же познакомилъ его съ своимъ музыкальнымъ семействомъ и Глинку потѣшали музыкою, пока онъ поджидалъ пріѣзда товарищей.

За Харьковомъ передъ путешественниками развернулася безпредѣльная степь, вместо живописной Украйны. «Мы переѣхали Донъ въ Оксаѣ, описываетъ Глинка эту поѣздку, — и очутились въ Азіи, что не сказано льстило моему самолюбію. Скажу, однако-жь, что до самага прибытія на сѣрныя воды взоръ не находилъ предметовъ пріятныхъ, напротивъ, почти ничего не было видно, кромѣ безпредѣльныхъ степей, заросшихъ густой высокой ароматической травой». Пятигорскъ въ то время былъ дикимъ мѣстечкомъ. Домовъ было мало, церквей и садовъ вовсе не было; лишь вдали грозно тянулся снѣжный хребетъ Кавказа да орлы во множествѣ парили по ясному небу. Поселились въ скромномъ домикѣ. Житье было пріятное. Товарищъ Глинки привезъ запасъ книгъ. Кухня была въ порядкѣ; отличная баранина, куры, дичь и превосходныя овощи давали возможность поварамъ готовить вкусный столъ, а сантуринское вино замѣняло дорогія заморскія вина. Глинка видѣлъ пляску черкешенокъ, игру и скачку черкесовъ мирныхъ ауловъ. Минеральныя воды не принесли ему никакой пользы. Сначала его варили въ ваннѣ съ сѣрною водой въ 38° тепла по Реомюру и заставляли ту же воду пить въ большемъ количествѣ, вовсе не сообразуясь съ его слабонервнымъ сложеніемъ. Даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ потомъ, Глинка страдалъ отъ этихъ водъ безсонницей. Послѣ сѣрныхъ водъ отправились на желѣзныя. Онѣ были расположены въ дикой, но чрезвычайно живописной мѣстности, среди лѣсовъ на площадкѣ, находившейся на половинѣ горы. Для помѣщенія пріѣзжихъ былъ всего одинъ домъ; кому не доставало мѣста, — разбивали палатку изъ войлока. Ночью, когда зажигались огни, площадка походила на кочевье дикихъ воиновъ. Остатокъ горы до вершины былъ покрытъ густымъ лѣсомъ; дикій виноградъ переплетался съ кустарниками и мелкими деревьями; орлы летали почти надъ головами. Однажды Глинка наблюдалъ, какъ туча, пронесшаяся въ ихъ сторону, покрыла всѣхъ своимъ густымъ туманомъ. — Едва принялъ онъ нѣсколько ваннъ желѣзной воды, какъ началъ чувствовать себя дурно; явились жестокія головныя боли, которыя и заставили покинуть желѣзныя воды.

Отправились въ Кисловодскъ. Ёхали съ конвоемъ и пушкой. Въ то время пошаливали здѣсь черкесы; такъ на слѣдующій годъ они вырѣзали нѣсколько близлежащихъ деревень. Окрестности Кисловодска понравились Глинкѣ болѣе Пятигорска. Домовъ тоже было мало, деревень вовсе не было; на плоскихъ вершинахъ пригорковъ росла густая, ароматическая трава, когда на равнинахъ все уже выгорѣло отъ солнца. Эта трава покрывала коня съ всадникомъ до шапки. Глинка купался въ Нарзанѣ, пилъ воду, но тоже безъ пользы. Онъ лишился аппетита и сна. Доктору пришлось его пользоваться какими то горькими травами, настоянными въ винѣ. Раздраженные однажды нервы не легко было успокоить; сонъ прогоняли еще земляныя блохи, которыя по ночамъ не давали возможности сомкнуть глазъ. На обратномъ пути съ Кавказа, Михаилъ Ивановичъ занемогъ лихорадкой; на мѣстахъ, гдѣ были лишай, появились нарывы. Пришлось на нѣсколько дней остановиться у знакомаго купца въ Орлѣ. Болѣзнь прошла сама собой, а съ ней исчезли и лишай. Думали, что больной радикально поправился, но потомъ оказалось, что это была жестокая ошибка.

Возвратившись съ Кавказа, Глинка съ новымъ рвеніемъ принялся за музыку. Воды подѣйствовали на него раздражительно, масса новыхъ впечатлѣній возбудила воображеніе. Занятія съ оркестромъ дяди стали серьезнѣе. Музыканты пріѣзжали два раза въ мѣсяцъ, оставались по нѣсколькимъ днямъ, иногда и на цѣлую

недѣлю. Оркестромъ управлялъ Глинка, играя на скрипкѣ. Съ каждымъ музыкантомъ онъ проходилъ его партію, пока не было ни одной невѣрной даже сомнительной ноты въ исполненіи. При этихъ отдѣльныхъ упражненіяхъ Глинка подмѣтилъ способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра (Глюка, Генделя, Баха онъ зналъ только по наслышкѣ), потомъ слушалъ общій эффектъ пьесы и, когда пьеса шла порядочно, отходилъ на нѣкоторое разстояніе, чтобы видѣть эффектъ изученной уже инструментовки. Репертуаръ состоялъ изъ увертюръ и симфоній, иногда игрались и концерты. Изъ увертюръ были — Керубини: *Medea*, *Hotellerie portugaise*, *Panisca*, *Lodoiska*, *Les deux journées* первыя двѣ были любимыи пьесами Глинки; изъ Мегюля разучивали *Joseph*, *Le trésor supposé*, *L'irato*; Моцарта — *Don Juan*, *Zauberflöte*, *Clemenza di Tito*; Бетховена — *Fidelio* (E-dur). Къ увертюре Мауера недоставало альтовой партіи. Глинка, разложивъ остальные партіи по стульямъ и сравнивая ихъ, написалъ альтъ. Симфоній было три: Гайдна — B-dur, Моцарта — G- moll, Бетховена 2-я — D-dur.

Въ числѣ исполняемыхъ пьесъ главный перевѣсъ былъ на сторонѣ увертюръ. Вообще изъ всѣхъ увертюръ Глинка любилъ во всю свою жизнь тѣ, которыя онъ узналъ въ первые годы молодости. Форма увертюры осталась самой любимой его формой для послѣдовавшихъ инструментальныхъ сочиненій. Къ этой формѣ онъ любилъ возвращаться во всѣ періоды своей музыкальной дѣятельности. Симфонія не пользовалась его сочувствіемъ. Въ этомъ направленіи было нѣсколько попытокъ, по большей части не оконченныхъ. Занимаясь съ оркестромъ дяди, Михаилъ Ивановичъ оправдалъ на себѣ справедливость поговорки: «уча другихъ, учимся». Такой практической и развивающей способъ занятій подсказанъ былъ ему инстинктомъ его, какъ художника, и горячимъ стремленіемъ юношескихъ лѣтъ. Своимъ великимъ инструментальнымъ мастерствомъ Глинка, несомнѣнно, много обязанъ тому, какъ онъ учился надъ оркестромъ дяди.

IV.

Начало общественной дѣятельности.

Когда Михаилъ Ивановичъ переѣхалъ въ Петербургъ, отецъ его съ трудомъ могъ удовлетворять издержкамъ на уроки музыки и языковъ. Сынъ началъ помышлять о службѣ гдѣ бы то ни было, — все равно. Къ дипломатической службѣ онъ не чувствовалъ особаго призванія. Въ маѣ 1824 г. ему удалось черезъ одного дальняго родственника поступить помощникомъ секретаря въ канцелярію совѣта путей сообщенія. Поступленіе на службу имѣло важное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Глинки. Съ этого момента наступила жизнь въ обществѣ, завязалась масса знакомствъ, особенно расширился кругъ музыкальнаго знакомства, не смотря даже на то, что Глинка на первыхъ порахъ своей общественной жизни былъ чрезвычайно застѣнчивъ. Этотъ недостатокъ однако съумѣли побороть друзья и знакомые. Службой особенно не обременяли. Въ канцеляріи требовалось пробыть 5 — 6 часовъ; работы на домъ не давали; дежурства и отвѣтственности не было; свободнаго времени было много и оно даромъ не тратилось. Между начальниками и сослуживцами Глинки многіе очень любили музыку; у нѣкоторыхъ бывали музыкальныя собранія. Глинка искалъ такихъ знакомствъ. Выдающийся талантъ доставлялъ ему почетное мѣсто въ музыкальныхъ кружкахъ. Всѣ рады были его появленію: знали, — гдѣ Глинка, тамъ скуки не будетъ. Такъ, онъ былъ принятъ чрезвычайно радушно у одного изъ начальниковъ, гр. Сиверса. Сама графиня обладала вѣрнымъ, звонкимъ и пріятнымъ сопрано. Графъ былъ большой любитель хорошей классической музыки. У нихъ собирався музыкальный кружокъ; составилъ семейный хоръ; Глинка пѣлъ втораго тенора. Исполняли только классическія пьесы, напр., финаль «Водовоза» 1-го акта. Акомпанировалъ обыкновенно Мейеръ на фортепіано. Кромѣ пѣнія иногда исполняли и другія пьесы.

Про свои попытки сочинять въ это время Глинка пишетъ: «не смотря на частыя занятія съ Мейеромъ, его объясненія и постоянное глубокое напряженіе, съ которымъ я трудился, въ сочиненіи все еще не было толку. Помню, что въ это время я написалъ квартетъ для двухъ скрипокъ, альтъ и виолончели (D-dur), но эта попытка удалась не лучше прежнихъ».

Много доставилъ Глинкѣ знакомствъ домъ правителя канцеляріи, А. Н. Бахтурина. — Въ домѣ кн. Хованской Глинка былъ принятъ, какъ родной. Дочерей княгини обучала музыкѣ дѣвица Лигле изъ Вѣны; она превосходно играла съ листа и акомпанировала; съ ней Глинка много игралъ въ 4 руки, большей частію квартеты Гайдна, симфоніи Гайдна, Моцарта и нѣкоторыя пьесы Бетховена. Музыкальнымъ упражненіямъ много былъ обязанъ Глинка въ домѣ Д. П. Демидова, дочь котораго считалась одной изъ первыхъ пѣвицъ-любительницъ въ столицѣ; у ней былъ могучій контральто, но она могла также исполнять и партіи сопрано.

Лигле акомпанировала на фортепиано, а пѣвецъ Беллоли весьма часто пѣлъ съ нею дуэты. Около этого времени (1825 г.) Глинка написал первое аллегро сонаты D-moll для фортепиано съ альтомъ. Это сочиненіе вышло лучше другихъ. Сонату исполняли у Демидовыхъ Беллоли и Лигле, причемъ авторъ игралъ на альтѣ.

Вообще многочисленныя знакомства имѣли ту выгодную сторону, что Глинка очень часто слушалъ и самъ исполнялъ музыку на фортепиано, особенно въ четыре руки. Въ однихъ домахъ ему удавалось слушать квартеты и квинтеты Моцарта, Гайдна и Бетховена, въ другихъ онъ игралъ много симфоній и квартетовъ тѣхъ же композиторовъ, гораздо больше онъ игралъ въ четыре руки увертюры и театральныя отрывки Керубини, Мегюля и др. Кромѣ того въ театрахъ можно было познакомиться съ замѣчательнѣйшими операми начала нынѣшняго столѣтія — итальянскими, нѣмецкими и французскими. Въ нѣкоторыхъ домахъ Глинка началъ знакомиться съ пѣніемъ, началъ пріобрѣтать къ нему вкусъ. Большая часть знакомыхъ ему дамъ и дѣвицъ пѣли; въ нѣкоторыхъ семействахъ исполнялись даже цѣлыя большіе отрывки изъ оперъ. Близкое знакомство съ многочисленными пѣвицами-любительницами побуждало Глинку пѣть самому. Скоро онъ созналъ, что ему недостаточно того пѣнія, которое онъ исполнялъ самоучкой. Сознаніе это заставило заняться правильнымъ развитіемъ голоса. Пѣнію (итальянскому) училъ Глинку итальянскій пѣвецъ Беллоли. «Голосъ мой былъ сильный, говоритъ Глинка, нѣсколько въ носъ и неопределенный, т. е. ни теноръ, ни баритонъ. — Хотя слухъ у меня былъ отличный, въ первые мѣсяцы отъ непривычки слышать себя, я пѣлъ невѣрно. Беллоли училъ хорошо и владѣлъ еще голосомъ достаточно, такъ что могъ самъ пѣть все, чему училъ меня. Музыка buffa я вскорѣ началъ исполнять очень порядочно».

Глинка въ то время не любилъ мужской компаніи. Этой компаніи онъ предпочиталъ общество дамъ и молодыхъ дѣвицъ, которымъ нравился его музыкальный талантъ; вращаясь часто среди дамъ, онъ долженъ былъ скоро убѣдиться въ необходимости умѣть также танцевать. Этому искусству Глинка учился около двухъ лѣтъ у Гольца и дошелъ до разныхъ па, какими въ то время франтили ловкіе танцоры.

Были примѣры, что Глинка ставилъ въ упрекъ его страстную музыкальную дѣятельность. Такъ одинъ родственникъ, человекъ чрезвычайно умный и образованный, «видя, съ какою неистовою страстью, говоритъ Глинка, — я предавался композиціи, старался отклонить меня отъ этой, по его мнѣнію, пагубной склонности, увѣряя, что талантъ исполненія на фортепиано и скрипкѣ, кромѣ собственнаго удовольствія, дѣйствительно можетъ доставить мнѣ пріятныя и полезныя знакомства, а отъ композиціи, кромѣ зависти, досады и огорченій, ничего не должно надѣяться». — «Одинъ изъ прежнихъ товарищей упрекалъ меня за то, что я оставилъ серьезныя занятія, чтобы терять время въ суетности, какъ онъ говорилъ, въ забавахъ. Я помню, что отвѣтилъ ему въ такомъ смыслѣ, что успѣю себѣ и послѣ, а теперь считаю приличнымъ соображаться съ склонностями своими и возрастомъ». На службѣ Глинка не разъ дѣлали выговоры правитель канцеляріи и начальники за то, что онъ не заботится о службѣ и давали совѣты «бросить это пустое занятіе музыкой, которое до добра не доведетъ». Эти случаи были, однако, единичными явленіями, большинство-же родственниковъ и близкихъ Глинки не удерживало его отъ музыкальныхъ занятій и отъ композиторства.

Первая неудачная попытка къ сочиненію съ текстомъ относится къ 1825 г. Это былъ романсъ на слова К. А. Бахтурина, сына правителя канцеляріи. Въ томъ же году былъ сочиненъ и первый удачный романсъ: «Не искушай меня безъ нужды» (слова Баратынскаго). Разъ попробовавъ свои силы, Глинка въ 1825 — 1830 гг. до поѣздки за границу сочинялъ чрезвычайно много, особенно для голоса; для фортепиано же работалъ все меньше и меньше.

Первая пьеса, появившаяся въ печати, была написана въ Смоленскѣ. Въ декабрѣ 1825 г. Глинка поѣхалъ въ деревню, по случаю помолвки старшей сестры, и на короткое время съ родными остановился въ Смоленскѣ на квартирѣ родственника А. А. Ушакова. Это былъ человекъ веселаго нрава, радушный, любившій въ своихъ повѣствованіяхъ преувеличивать «до самой нелѣпой лжи». 18-лѣтняя дочь его хорошо играла на фортепиано. Когда былъ у нихъ Глинка, музыка, понятно, не забывалась. Въ угоду своей племянницѣ Глинка написалъ для фортепиано варіаціи на модный тогда итальянскій романсъ: *Benedetta sia la madre* (E-dur). Эти-то варіаціи, немного потомъ исправленныя Мейеромъ, были отданы въ печать. Въ Смоленскѣ находилось тогда семейство генерала Апухтина, любившаго жить открыто. По случаю всеобщаго траура танцы не допускались. Придумали дать представленіе, примѣняясь къ обстоятельствамъ: прологъ на кончину императора Александра и восшествіе на престолъ государя Николая Павловича. Гувернеръ въ домѣ генерала сочинилъ слова на французскомъ языкѣ, музыку поручили Глинка. Она состояла изъ хора С-шолл, аріи В-dur, которая служила заключеніемъ пролога съ торжественнымъ хоромъ также В-dur. Одѣтый гениемъ, Михайлъ Ивановичъ самъ пѣлъ арію; кантата вышла первымъ удачнымъ опытомъ въ вокальной музыкѣ большаго размѣра.

Остатокъ зимы 1825 — 1826 г. Глинка провелъ въ деревнѣ. «По вечерамъ и въ сумерки любилъ я, пишетъ онъ въ запискахъ, мечтать за фортепиано. Сантиментальная поэзія Жуковскаго мнѣ чрезвычайно нравилась и трогала меня до слезъ (вообще говоря, въ молодости я былъ парень романческаго устройства, и

любили поплакать сладкими слезами умиления). Кажется, что два тоскливых моих романа: «Свѣтит мѣсяць на кладбищѣ» и «Бѣдный Пѣвецъ» были написаны въ это время (на слова Жуковского), весною 1826 года». Въ первый періодъ своей общественной жизни, Глинка познакомился съ нѣкоторыми литераторами, — Дельвигомъ, Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, встрѣчался съ извѣстнымъ поэтомъ Мицкевичемъ. Съ Дельвигомъ познакомилъ его композиторъ русскихъ романсовъ М. Л. Яковлевъ. Глинка не редко навѣщала барона-поэта. Тамъ бывала дѣвица Лигле, играли въ 4 руки. Баронъ Дельвигъ передѣлалъ для музыки Глинки пѣсню: «Ахъ ты ночь-ли ноченька», тогда-же была написана музыка на его слова: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили». Часто видѣлся Михаилъ Ивановичъ съ А. С. Пушкинымъ и пользовался его знакомствомъ до самой его кончины, такъ преждевременной. Грибоѣдовъ сообщилъ Глинкѣ тему грузинской пѣсни, на которую А. С. Пушкинъ написалъ романсъ: «Не пой, волшебница, при мнѣ». Нѣкоторыя изъ музыкальныхъ сочиненій этого періода отличались уже такимъ совершенствомъ, что вошли въ составъ позднѣйшихъ знаменитыхъ оперъ. Такъ Дельвигъ написалъ Глинкѣ слова: «Не осенній частый дождикъ». Музыка этихъ словъ потомъ была взята на романсъ Антонида — «Не о томъ скорблю, подруженьки» въ оп. «Жизнь за Царя». — Въ 1827 г. сочинено было нѣсколько отдѣльныхъ театральныхъ сценъ для пѣнія съ оркестромъ: дуэтъ съ речитативомъ для баса съ теноромъ (A-dur), хоръ на смерть героя (C-moll), арія для баритона (As-dur), Adagio этой арии послужило потомъ для канона финала 1 акта оперы «Русланъ и Людмила».

Важное вліяніе на развитіе музыкальныхъ способностей Глинки имѣло знакомство съ кн. С. Г. Голицынымъ. С. Г. былъ веселый, милый, подѣ-часъ забавный молодой человекъ, хорошо зналъ музыку и пѣлъ очень пріятно прекраснымъ, густымъ басомъ. Онъ-то между прочимъ ободрялъ Глинку при его чрезвычайной застѣнчивости и ввелъ его въ общество молодыхъ людей высшаго тона, ловко умѣлъ возбуждать его къ дѣятельности, писалъ для Глинки стихи и охотно исполнялъ его сочиненія. Когда однажды Глинка ѣздилъ въ Москву, С. Г. Голицынъ снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ извѣстному Норову всего изъ слѣдующихъ словъ: «податель этой записки — Глинка».

На службѣ Глинка оставался не долго и лѣтомъ 1828 г. подалъ въ отставку «изъ-за запятой», какъ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ. Среди служебныхъ отношеній онъ познакомился съ семействомъ одного изъ своихъ начальниковъ генерала Г-ли; у этого начальника была жена и три дочери, одна изъ нихъ, Поликсена, училась пѣнію у Беллоли; Глинка часто акомпанировалъ ей и пѣвалъ съ нею. Когда кругъ знакомства расширился, Глинка не могъ уже часто посѣщать семейство генерала Г-ли. Притомъ семейство это не особенно ему нравилось. Генеральша и ея дочери не могли внушить искренняго желанія часто бывать у нихъ; онъ долго жилъ въ Кіевѣ и къ разнымъ провинціальнымъ приемамъ присоединяли страсть говорить чрезвычайно громко и всѣ четыре вдругъ. Отъ такого говора замолкали не только гости, но и самъ генераль. — Глинка былъ помощникомъ секретаря, однако его заставляли въ присутствіи читать вслухъ записки съ трехъ столовъ. Когда посѣщенія въ домѣ начальника стали рѣже, обращеніе съ подчиненнымъ перемѣнилось. Пересматривая бумаги, генераль находилъ, что тамъ запятая не на своихъ мѣстахъ, тутъ правописаніе не вѣрно, хотя было не справедливо взваливать отвѣтственность за три стола на одного помощника секретаря. Слушая замѣчанія, Глинка не отвѣчалъ ни слова, думалъ только про себя: «эге, здѣсь шашни баловницы Поликсены», и рѣшилъ совсѣмъ прекратить посѣщенія. Генераль сталъ еще взыскательнѣй, «а я, говоритъ Михаилъ Ивановичъ, не тратя даромъ времени, въ одинъ изъ докладовъ подалъ ему прошеніе объ отставкѣ и вышелъ изъ службы изъ-за запятой».

Потерпѣвъ неудачу на службѣ, Глинка могъ вполне отдаться своимъ артистическимъ вкусамъ и стремленіямъ. Кружкомъ молодежи, душой котораго былъ кн. Голицынъ, затѣяны были разныя театральныя представленія. На одномъ изъ нихъ Глинка исполнялъ роль донны Анны въ интродукціи «Донъ-Жуана» Моцарта, при чемъ за костюмированъ былъ въ женское платье изъ бѣлой кисеи и рыжій парикъ, исполнялъ также роль Фигаро въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Однажды молодежь задумала потѣшить публику серенадой на Черной рѣчкѣ. Репетиціи были чрезвычайно занимательны; у оконъ дома, гдѣ онъ происходили, толпились по вечерамъ слушатели и слушательницы. Въ день серенады на рѣчкѣ появились два катера, иллюминированные фонарями; на одномъ сидѣли исполнители, на другомъ помѣстились трубачи кавалергардскаго полка. На кормѣ приладили маленькое фортепіано, на которомъ Глинка акомпанировалъ и управлялъ хоромъ. Послѣ каждой исполненной пьесы, раздавались стройные, сильные, величественные звуки трубъ. Объ этой серенадѣ напечатали въ «Сѣверной Пчелѣ». Первый успѣхъ поощрилъ исполнителей къ новымъ предпріятіямъ. Давали представленіе гр. Кочубею, тогдашнему президенту государственнаго совѣта. Молодые люди совершали даже маленькія музыкальныя путешествія; такъ дали представленіе въ Царскомъ селѣ, гдѣ исполняли серенаду Глинки и куплеты съ хоромъ: «Лина въ черной мантии» (слова кн. Голицына), — пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Ѣздили даже за 200 верстъ въ с. Марьино новгородской губерніи къ графинѣ Строгоновой. Глинка участвовалъ въ представленіи нѣсколькихъ сценъ изъ «Barbiere de Sivilla».

Въ годъ своей отставки Глинка прилежно работалъ; началъ учиться итальянскому языку; бралъ уроки

композиции у сына известного buffa итальянской оперы в Петербургъ Zamboni, который задавалъ текстъ итальянскій и заставлялъ писать арии, речитативы и пр., также 2-голосныя фуги безъ словъ. Кроме того Глинка написалъ серенаду на итальянскія слова Толстаго, квартетъ F-dur для сопрано, альты, тенора и баса съ акомпаниментомъ двухъ скрипокъ, альты и виолончели и др. пьесы. Въ томъ-же году предприняли было издать «Лирической альбомъ, но дѣло долго не шло на ладъ. Альбомъ этотъ появился въ свѣтъ въ слѣдующемъ году; въ этомъ изданіи были напечатаны: романсы и пѣсни Глинки съ нѣсколькими мелкими фортепьянными пьесами.

Отъ всѣхъ этихъ музыкальныхъ занятій, которымъ съ такой страстью и такъ усѣбно предавался Михаилъ Ивановичъ, по временамъ его отрывали тяжелые недуги; корень ихъ скрывался въ золотушномъ расположеніи организма. Глинку старались радикально вылѣчить и часто только ухудшали положеніе больного. Въ 1827 г. отецъ Глинки въ петербургскомъ обществѣ встрѣтился однажды съ докторомъ Браиловымъ и сообщилъ ему о золотушномъ расположеніи своего сына. Докторъ предложилъ свои услуги и заставилъ пациента выпить болѣе 30 бутылокъ какого-то зеленовато-болотнаго декокту. Это была пряная, вязущая и отвратительная жидкость. Декоктъ вызвалъ сильныя приливы крови къ головѣ, такъ что больной надолго лишился сна и потомъ не вдругъ поправился. Отъ приливовъ крови получилось золотушное воспаленіе въ лѣвомъ глазу. Сталъ лѣчить знаменитый окулистъ Лерхе. Глинку посадили въ темную комнату; не обошлось дѣло безъ слабительныхъ. Насильственное употребленіе внутреннихъ лѣкарствъ повредило здоровью и подготовило новыя страданія. Воспаленіе въ глазу повторилось. Въ апрѣлѣ 1828 г. Глинка ѣхалъ изъ деревни отъ родителей въ Москву. Около Гжатска надуло вѣтромъ въ лѣвый глазъ. Глазъ воспалился. Цѣлую станцію Михаилъ Ивановичъ проѣхалъ закрытый рогожкой. Въ Гжатскѣ потребовалъ доктора; на это отвѣтили, что докторъ плохъ, а цирюльникъ весьма смѣтливъ. Позвали цирюльника, который, дѣйствительно, далъ лѣкарство, въ нѣсколько часовъ разогнавшее боль; воспаленіе уничтожилось. Въ концѣ 1828 года отъ «Майскаго бальзама Немича» у Глинки появилась сыпь по всему тѣлу, онъ сталъ чувствовать себя все хуже и хуже. Въ мартѣ слѣдующаго года принялся лѣчить Глинку докторъ Соломонъ. Онъ засадилъ больного въ теплую комнату на цѣлыхъ два мѣсяца и заставилъ принимать пилюли Sublimatum, увеличивая приемы, такъ что при весьма строгой діетѣ пациентъ принялъ около 100 пилюль. Лѣченіе такъ разслабило Глинку, что кн. Голицынъ, отправляясь въ дѣйствующую армію, при прощальномъ визитѣ засталъ его въ чрезвычайно болѣзненнымъ состояніи. Лѣченіе закончилось сѣрными ваннами. Ванны помогли, но не надолго.

Послѣ болѣзни Глинка часто навѣщалъ бар. Дельвига. Въ іюнѣ семья барона и знакомые отправились на Иматру. Имъ сопутствовалъ Глинка. На возвратномъ пути одинъ изъ чухонцевъ - ямщикомъ пѣлъ пѣсню, которая очень понравилась Михаилу Ивановичу. Онъ заставилъ нѣсколько разъ повторять эту пѣсню, затвердилъ ее и потомъ употребилъ главной темой баллады Финна въ оп. «Русланъ и Людмила». Погода въ то время стояла прекрасная. Не смотря на это еще до поѣздки Глинка чувствовалъ жестокія нервныя боли, а когда вернулись въ Петербургъ, онѣ усилились до такой степени, что появлялись каждый день; ихъ сопровождала лихорадка съ жаромъ и бредомъ. Пароксизмъ оканчивался сильною и неправильной испариной.

При всѣхъ этихъ страданіяхъ Глинка не забывалъ занятій музыкой; лишь только стихали боли, онъ бодро шелъ впередъ, совершенствуясь въ исполненіи пьесъ или въ сочиненіи собственныхъ произведеній. Осенью 1829 года возобновились боли особенно шейныхъ железъ до такой степени, что больной катался по полу и кусалъ себя отъ невыносимой муки. Образовалась упорная спазматическая боль сзади шеи, она стихла только отъ весьма теплыхъ ваннъ. Тѣмъ не менѣе родители Глинки были извѣщены о болѣзни его; въ октябрѣ пріѣхала къ нему мать съ сестрою; больного увезли въ деревню. Передъ отъѣздомъ одинъ докторъ итальянецъ предложилъ для успокоенія болѣе пилюли изъ опиума и ртути. Зимой и слѣдующей весной Глинка не разъ прибѣгалъ къ ихъ помощи; боли успокоивались, но здоровье разстраивалось все болѣе и болѣе.

Въ деревнѣ между страданіями, которыя всегда сопровождали жаръ и бредъ, Глинка продолжалъ свои музыкальныя занятія. Онъ выучилъ септуоръ Гуммеля и неоднократно исполнялъ его съ акомпаниментомъ; часто упражнялся въ исполненіи на фортепьяно этюдновъ Крамера, Мошлеса и даже Баха; сочинилъ нѣсколько мелкихъ пьесъ, написалъ романсъ «Голосъ съ того свѣта» (слова Жуковскаго) и F-dur квартетъ для струнныхъ инструментовъ. Желая избавиться отъ страданій и усовершенствоваться въ музыкѣ, Глинка сталъ подумывать о поѣздкѣ за границу, но сначала получилъ рѣшительный отказъ со стороны отца. Это огорчило Михаила Ивановича до слезъ, отцу однако онъ не смѣлъ и думать прекословить, хотя обращеніе съ нимъ отца было дружеское. Болѣзнь усиливалась; Глинка глоталъ пилюли итальянца къ крайнему вреду своего здоровья. На его счастье въ Новоспасское прибылъ полковой докторъ Шпиндлеръ, мнѣнія котораго Глинка-отецъ очень уважалъ. Докторъ этотъ тщательно изслѣдовалъ Михаила Ивановича и объявилъ отцу, что у больного сына цѣлая кадриль болѣзней и что ему необходимо для поправленія здоровья пробыть за границей въ тепломъ климатѣ по крайней мѣрѣ года три. Это было въ концѣ зимы, а къ веснѣ здоровье Глинки шло все